

A photograph of a sandy beach with several footprints in the sand, receding into the distance. The footprints are arranged in a path that leads from the bottom center towards the top of the frame. The sand is a warm, golden-brown color, and the lighting creates soft shadows around the impressions.

Алексей Таас

*По следам
«Диагностики кармы»*

12+

Алексей Таас

По следам «Диагностики кармы»

«Автор»

2018

Таас А.

По следам «Диагностики кармы» / А. Таас — «Автор», 2018

Четверть века назад вышла книга исследователя-парапсихолога Сергея Лазарева. В ряду отечественной эзотерической литературы они имели успех. Читатель книг Лазарева, шедший за ним в течение 25 лет, делится своими впечатлениями.

© Таас А., 2018

© Автор, 2018

Алексей Таас

По следам "Диагностики кармы"

К автору

В кабинке телефонного переговорного пункта на другом конце провода мне снова отвечают, что Лазарев в офисе еще не появлялся. Это был уже третий мой звонок в Санкт-Петербург, и я опять выскакиваю в морозный туман под минус 50, окутавший зимний Якутск 1995-го года. А мне всего-то хотелось задать автору стремительно набирающей популярность книги «Диагностика кармы» один-единственный вопрос: стоит ли мне переезжать на постоянное место жительства в Петербург? Каково мнение моего шестикрылого ангела судьбы на сей счёт? – ведь Лазарев может высчитать информацию из тонкого плана человека. Сознанием-то я готов был хоть завтра отчалить от родины, но вот что думает моя душа, а вдруг мне судьбой уготовано другое?

Нарезав очередные круги ожидания, я забегая в «междугородку» и в окошке оператора бросаю в её тарелочку деньги, снова набираю питерский номер офиса «Академии парапсихологии». На предыдущие мои звонки отвечал бодрый, но безучастный голос молодого мужчины. Я догадываюсь по голосу, что это был тот самый крепко сбитый качок, которого я заприметил вместе с седовласым мужчиной в качестве сопровождающих Сергея Николаевича на мартовском семинаре того же, 95-го, года в ДК имени Ильича в Москве. Я тогда протиснулся до самого Лазарева не без помощи этих двух персонажей, предварительно договорившись с ними о возможности встречи с автором.

Трубку на этот раз подняла девушка и на мой напористый голос вдруг ответила весьма неожиданно: «Вы думаете легко нам работать с ним? Он, поверьте, весьма тяжёлый человек, да и платит нам копейки». Я обомлел от неожиданной откровенности, как-то сразу обмяк, промямлил ей в ответ, что само исследование для меня важнее личностных качеств ведущего...

С первых кадров появления Лазарева на телеэкране невозможно было не распознать его непростой характер. Исследователь невидимых полевых структур в ореоле мрачной таинственности сидел спиной к людям, тон его голоса выдавал еле сдерживаемую раздражительность, да и название то ли редакции, то ли конторы у него было какое-то трескуче-помпезное – «Академия парапсихологии».

Но я не унимался, и на следующий мой звонок в Питер отозвался тот самый седовласый «старик» и, сославшись на мнение руководителя в подобных ситуациях, напутственно изрёк: «По ощущению, действуйте по ощущению».

В конце длинного декабря 95-го года, наспех устроившись у новых питерских знакомых, я первым делом, конечно же, позвонил в «Академию» и записался на ближайший приём. Переехав в Санкт-Петербург, теперь я стал намного ближе к «своему» автору: поистине животрепещущая тема, доходчивый стиль подачи информации, моделирующий метод исследования – ну всё в «Диагностике кармы» было моим, мне предназначенным, ко мне обращённым, будто для меня написанным. Да, казалось, что только я мог вникнуть до мельчайших тонкостей в содержание текста. Даже мои ярые соратницы по «Диагностике» в Якутске, провожавшие меня тогда в аэропорту «на выезд из северов на материк», многие важные постулаты из книги воспринимали, на мой взгляд, несколько поверхностно. И разве вот такой фанат «Диагностики», каким я был в те годы, не мог не оказаться рядом со своим автором? Разумеется, главным для меня оставался сам предмет исследования: я чувствовал, что тема души человека в лазаревском методе «бурения» только начинает развиваться, ожидают своего освоения такие глубин-

ные пласты миропонимания, что я просто обязан был находиться вблизи карьера разработки этих «полезных ископаемых» человеческой души.

***

На улице Розенштейна, в гиблом питерском квартале (сейчас он снесён и застроен вновь), в тёмной сырой квартире на втором этаже располагалась творческая мастерская, где проходили личные приёмы автора «Диагностики кармы». Этажами выше была другая мастерская, оставленная Лазареву сбежавшим в неизвестность хозяином этих двух помещений. По мрачной квартире-«достоевщине» быстрыми шагами расхаживал распорядитель действия Иван Мовсесян – светленький, худощавый молодой мужчина, в заношенном свитере, с множеством родимых пятен на узком лице, ну и еще, пожалуй, немного чудаковатый.

Позже мне один из окружения Лазарева поведал, что это в квартире Вани Мовсесяна в центре Питера перед камином спиной сидел Сергей Николаевич в телепередаче «Бумеранг», и, оказывается, это о нём, о Ване, лектор в своих выступлениях рассказывал, как однажды некий молодой питерский художник влюбился, но будучи отвергнутым девушкой, дико расстроился. И в один недобрый час вдруг позвонили в дверь художника, он открывает и... на него с топором бросается некто. Далее, в луже крови с проломленной головой он пролежит довольно много времени, затем хирург-кавказец, приятель Лазарева, сделает молодому человеку несколько операций. Художник выживет, но не без некоторых утрат, судя по странноватому поведению Ивана. По всей видимости, именно того самого хирурга я позже видел в офисе на Шкапина: он как-то по-особенному, как врач с пациентом, разговаривал с Иваном и внимательно осматривал его.

Но, вполне возможно, что чудаковатым Ваня был всегда. Спустя некоторое время, оказавшись в офисе автора «Диагностики», я заметил, что Ваня у Лазарева играл своеобразную роль придворного шута: так, они вдвоем закрывались в гостиной, и уютно расположившись на диване, начинали «беседу»: Ваня чеховстил «Серёжу» и всю его творческую деятельность, да еще с матюшком, а тому явно нравилась подобная процедура. Сергей Николаевич признавался мне потом, что ему полезно, когда Ваня такими выговорами «чистит» его.

И вот, после переезда в Питер, я захожу на личный приём к автору книг. В узкой продолговатой комнатке на застеленном топчане сидит Сергей Николаевич и на маленьком столике рисует мне на бумаге круги: вот материальное, вот духовное, а вот и божественное, как есть Бог-сын, Бог-дух и Бог-отец. «У тебя нет зацепки за материальное, но есть за духовное» – указывает мне автор недавно вышедшей второй книги «Диагностики кармы», где, по моему мнению, произошёл просто-таки революционный прорыв во всём духовном познании: за Святой дух, то есть за духовность, оказывается, тоже можно зацепиться, и последствия подобной привязки, из-за масштабности уровня, могут быть просто катастрофическими. А ведь об этом никто не говорил и не писал прежде, наоборот – люди в своих устремлениях к спасению рады были уцепиться за духовность, как за последнюю соломинку! Помню своё эмоциональное впечатление от первой диагностики: фу, хорошо, что нет зацепки за материальное, ну а за духовность зацепиться – вроде как и грех-то небольшой, чуть ли даже не горд был этим. Вот вам и непрошибаемая зацепка за духовность! Даже не осознаю смысл прозвучавшего только что диагноза от Лазарева о зацепке за духовность, хотя читал и принял вроде бы содержание второй книги «Диагностики» на сто процентов!

Помню, будучи еще в Якутске, перевернув последнюю страницу второй книги, мне буквально на собственной шкуре пришлось испытать последствия пресловутой зацепки за духовность. Я тогда организовал встречу читателей исследования «Диагностики кармы» в городской библиотеке имени Белинского для координации получения информации из Петербурга – в начале 90-х связи между регионами в стране рушились вплоть до плохой работы телефона. Но в читальном зале библиотеки собралась совершенно случайная аудитория, даже не читавшая первой книги «Диагностики», и мне пришлось пересказывать суть исследования, в конце

победоносно призвав не обманываться дешёвой эзотерикой, а читать «реальное исследование о душе человека», то есть книги С.Н. Лазарева. И вечером того же дня пресловутая «зацепка за духовность», выраженная в виде воспетой мною рекламы исследований Лазарева, устроила в моей квартире бандитский шабаш, в ходе которого неожиданно заявившиеся в мою квартиру хулиганы исколошматили моё лицо в первый день моего отпуска, последние синяки которого исчезли в последний день того же отпуска.

Год этот запомнился еще и первым крупным провалом исследователя Лазарева: на том самом семинаре в ДК Ильича 9-го марта 1995 года Сергею Николаевичу в записке задали вопрос о внутреннем состоянии руководителя секты «Аум синрикё» (запрещена в РФ), и он, начеркав на бумаге изображение внутреннего состояния исследуемого объекта, вынес вердикт: «Зацепок я не вижу, у него поле чистое». И это автор заявляет после выхода собственноручно написанной второй книги, где был открыт уровень зацепки за духовность?! А ведь даже далёкий от всякой эзотерики народ в те дни всюду шумел, что все эти медитации японского сектанта на Красной площади, и его братание с чиновниками из окружения президента страны вконец добьют растерзанную доморощенными и чужими проходимцами Россию. И вскоре гром грянул: десять дней спустя после диагностики Лазаревым Сёко Асахара, то есть 20-го марта, секта «Аум синрикё» (запрещена в РФ) под руководством человека «с чистым полем» совершила газовую атаку в токийском метро. Сергей Николаевич после случившегося теракта несколько выступлений подряд пытался «разрулить» очевидное фиаско своей диагностики.

Покидая 29-го декабря 1995 года мастерскую на Розенштейна после приёма, я подарил Сергею Николаевичу два бриллиантовых камушка, которые можно было бы вставить, например, в серьги – в подарок жене. Он также уходил из мастерской, закончив приём, и я спросил его о вариантах квартир, присмотренных мною накануне для покупки. Лазарев, натягивая рукав тяжёлой зимней куртки, как-то изловчился пальцами просмотреть ситуацию и порекомендовал квартиру в высотном доме на площади Победы. Честно говоря, на 99% я уже был настроен на этот вариант.

А через день после того приёма, ночью у меня началась «агония». Температура подскочила под 42, на прикроватной стене в моём затуманенном сознании вдруг нарисовались очертания двух монголоидных мальчиков. Между тем в соседних комнатах квартиры приятеля, у которого я остановился в Санкт-Петербурге после переезда из Якутска в ожидании покупки собственной квартиры, шла шумная вечеринка встречи нового 1996-го года. Но страдать и болеть мне не впервой, потому наутро, будто вчера и не умирал, перебрался во вновь приобретённое собственное жильё. Оттуда первым делом позвонил в «Академию».

Как ни странно, утром 1-го января в офисе трубку взял «старик», и, известив сидевшего рядом Лазарева, что «пациент после твоего приёма чуть не умер», передал ему. Тот с ходу без церемоний просто начал кричать в трубку: «Что вы хотите, это полевая диагностика, вся ваша грязь всплывает на поверхность!» И тут из телефонной трубки мне в носшибануло запахом спиртного, да так явственно, что я резко отвернул голову в сторону. Улыбнувшись столь яркой материализации праздничного состояния своего телефонного собеседника, я, как обычно успокаиваю своих подвыпивших приятелей, начал ласково утихомиривать Лазарева. Встречный шаг к «разрядке напряжённости» сделал своё дело, и я стал излагать ему свои проблемы:

– Я хоть и писал дипломную работу в университете по древним мифам о звёздном небе, тем не менее, не могу живую смотреть на Млечный путь...

– Да, я вижу: Галактика к тебе относится неважно, – диагностирует по телефону моё поле Сергей Николаевич.

Про себя же размышляю так: дело здесь, наверное, в антагонизме мировоззрений: наша галактика – женщина, то есть запад, а к нему у меня из прошлой жизни идут претензии. С детства интуитивно знаю: я уже несколько жизней подряд воплощаюсь на востоке. То есть,

рассуждаю я далее, когда сменится власть на Земле – отравляющий всё человечество западный евро-атлантический менталитет уйдёт со сцены, тогда люди почувствуют наконец гармонию, и моя претензия к западу стихнет, и отношения с Галактикой придут, наверное, в норму.

В ходе той новогодней телефонной беседы с автором «Диагностики» я прошу пывал свой тайный замысел просочиться в команду «Академии» – хотелось стать, если не участником, то хотя бы близким наблюдателем этого уникального процесса проникновения в глубинные слои человеческого «я».

На Шкапина, 2

Очередным телефонным звонком я попал-таки в офис «Академии парапсихологии» на улице Шкапина, 2, адрес которого лазаревские сотрудники пытались скрыть от докучавших почитателей. В выходных данных первого издания «Диагностики» значился адрес на Сапёрном переулке (формальный юридический адрес) – люди шли туда и понимали, что получили заведомо ложный ориентир. В отличие от пахнущей гнилой сыростью мастерской на Розенштейна, здесь – в добротной «сталинке» на Шкапина – было светло, тепло и просторно: в трёхкомнатной квартире на четвёртом этаже была рабочая комната с компьютерами, кухня, зал с диваном и картинами Сергея Николаевича на стенах. Разве что комнатка справа сразу при входе была хронически заперта: «Бардачная, хлам всякий лежит» – быстро отмахивались на мой вопрос.

Я представился присутствующей компании: «Алексей, по отчеству, извините, Петрович». Морячок Андруха сдавленно захихикал – от комического несоответствия простого русского имени с азиатской внешностью гостя. Сергей Николаевич что-то чертил на бумаге, затем выдал:

– Имя на тебя работает как унижение.

– Да уж, всем якутам такое унижение дарено... Спасительное, надо полагать. А вот интересно, цыгане, к примеру, почему не могут ассимилироваться с другими народами, и таким образом хоть как-то попытаться преодолеть свои внутренние проблемы?

– Давай посмотрим, так, – быстро водя ручкой по бумаге, Сергей Николаевич погружается в историческую хронологию, – примерно 900 лет назад в северной Индии эта группа людей получила уникальные способности, соответственно подскочила гордыня, и спустя двести лет они рассеялись по миру. Ну, они, понимаешь, как евреи, для них смешаться с кем-то – потерять всё.

Я вспомнил мультфильм «Прежде мы были птицами» Гарри Бардина по мотивам цыганской притчи о получении ими дара с небес, утрате и расселении в чужих краях. В диагностике Лазарева мне понравилась хронологическая датировка истории кочевого народа: у научных версий становления данного этноса есть сильный разброс во времени, а по легендам самих цыган, они на своей древней родине чудесами промышляли и вовсе 2 тысячи лет назад.

После официального знакомства, я направился на кухню, где с капустными кочанами возился Ваня Мовсесян – пыхтел, ругался. Я предложил свою помощь, по всей видимости, весьма кстати – бросив мне нож, он мигом исчез из кухни. Капуста резалась, оказывается, для квашения. Быстрым шагом, почти вполносившись, на кухню входит Сергей Николаевич и делает замечание на мою медлительность. Я отвечаю, что, мол, хочу всё делать качественно, без халтуры. На что он бросает: «Делать надо главное!», то есть резать больше, а как – это уже вторично. И нагнувшись ко мне задом, стал перемешивать в большой кастрюле на полу нашинкованную капусту с солью. Про себя отмечаю, что в моей жизни лазаревский северокавказский типаж вплоть до схожести черт лица попадался дважды: во всероссийском пионерском лагере «Орлёнок» был похожий мальчик из Чувашии, затем другой паренёк опять же в пионерском лагере, но уже в Якутии. Их лица я помню до сих пор, и усмехаюсь, сравнивая их с лицом Сергея Николаевича – надо же, как судьба задолго олицетворяла предстоящие знаковые

встречи! Вечно несправедливо обиженные, эти ребята постоянно были притесняемы другими ровесниками буквально за всё. Я передал Лазареву эти свои ощущения, а он, видать, к тому времени был уже сыт по горло рассказами о своих двойниках и всяких «предвестниках» – только нервно ухмыльнулся.

К вопросу о духовных «двойниках и братьях» стоит вспомнить один интересный случай. До переезда в Петербург, весной того же 95-го года при моем появлении с мартовского московского семинара Лазарева наш руководитель эзотерической группы в Якутске, основанной на рериховском учении «Агни Йога», Любовь Артуровна Андреева прямо с порога вдруг ткнула указательным пальцем в мою сторону: «Он предал нас!» Я обомлел – о каком-то предательстве говорит уважаемая мною учительница тайных знаний? Под её началом мы ходили по битым стёклам, гнули вилки словно пластилин, созерцали на небе дивные рисунки из облаков, её лекции по учению Елены Рерих завораживали неопишуемой притягательностью. Скажите, пожалуйста, когда и как я умудрился предать её? И тут доходит до меня: на том самом мартовском семинаре, протиснувшись к Сергею Николаевичу, я поведал ему о даме со сверхспособностями из моего города, которая, между прочим, заявила о своём неземном родстве с Лазаревым: «Он мой брат на тонком плане». На что автор «Диагностики», зная о расплодившихся после выхода первой книги «ментальных братьях и сёстрах», вяло усмехнулся. И вот теперь получается, что Артуровна сочла сей эпизод из моего диалога с Лазаревым, о котором я никому еще не успел поведать, за раскрытие духовной тайны, то есть за предательство. А ведь узнала же, но как?!

Возвращаясь к шинкованию капусты, стоит отметить кулинарные способности основателя «Академии»: заквашенная им капуста с размятым отварным картофелем была наивкуснейшей пищей. Все в офисе закатывали от удовольствия глаза, вкушая эту простую на первый взгляд еду. Я отваривал малопривлекательную «колхозную» картошку из ближайшего магазина, затем присутствующие в офисе разминали её вилкой, добавляли растительное масло, и примешивали туда квашеную Лазаревым капусту – и «пища богов» готова!

Ел Сергей Николаевич в те годы много и с азартом. Бедный офисный холодильник трясся осинovým листком при шумном появлении хозяина; в утробе холодильника частенько лежала шикарная рыбина на засолку, батарея банок с красной икрой регулярно появлялась и исчезала с полок. Вторым нападающим на содержимое холодильника был вечно голодный амбал Андрей Митриков, подвизавшийся в «Академии» из команды моряков, с которыми Лазарев имел в одно время общение.

Андрюха – видный, крепкий парень приезжал в офис из пригородного Сестрорецка. Находясь зимой в вынужденном длительном отрыве от своего моряцкого дела, он исполнял поручения «старика»: таскал кипы книг по адресам, отвозил коробки видеокассет заказчикам, ограждал Лазарева от натиска поклонников на выступлениях, солил ему рыбу, разнимал распалившихся сотрапезников на загородных гулянках шефа, сидел на офисном телефоне.

Стариком же оказался Владимир Васильевич Шмонин, бывший боцман Санкт-Петербургского морского торгового пароходства, балагур, весельчак, рассказчик сальных мужицких анекдотов – душа команды моряков. Это, оказывается, о нём рассказывал Лазарев: как-то один друг умирал в индийском порту, шансов не было никаких. Но Сергей Николаевич, находясь на тот момент в Питере, энергетическими усилиями дистанционно вытянул его из предсмертного состояния. И не таким уж и старым оказался Шмонин – папаша недавно родившегося сына. Поседел он, как сам объяснял, когда «Серёга начал эксперименты со временем проводить». И жена его – Валентина Александровна Шмониная – тоже в офис «Академии» была вхожа – сидела на телефоне. Но после тех экспериментов она перестала там появляться; поседел и Шмонин, и сам Лазарев, а лицо Валентины покрылось красными волдырями.

Позже Лазарев рассказывал мне о несколько иной природе этих наваждений на супругов Шмониных. У Валентины, уроженки Украины, были способности к видению тонких планов. Я

замечал, что даже после её ухода из «Академии» люди звонили в офис и просили к телефону именно Валентину Александровну – видать, она умела впечатлить своими консультациями. Со слов Сергея Николаевича, пока она была в офисе, и он был рядом с ней, последствия проникновений в тонкие планы сходили с неё «как с гуся вода». Но шеф стал выбираться из Питера в более дальние поездки всё чаще, а Валентина надолго оставалась одна да без «страховки» и... накапливала себе проблемы. В общем, к моему приходу супруга Владимира Васильевича сидела уже дома и по телефону поддерживала только своего супруга: прихватит Базилича, как его называли иностранцы на заморских причалах, то сердце или давление подскочит – он звонит жене домой, и та на невидимом плане выправляет энергетическое поле супруга.

Принять меня на работу в офис уговорил Лазарева Базилич: «Башковитый паренёк, в офисной работе такой пригодится». Наверняка, глава «Академии» не обошёлся тогда без диагностики моей персоны. Но, выходить на работу в лазаревском офисе сразу после переезда из Якутска, где жил с комфортом и работал в престижной организации, я почему-то не торопился (будто чувствовал, чем это обернётся!). Попросил Базилича подождать до февраля, а пока хотелось осмотреться в новом городе, обустроиться в недавно купленной квартире.

«Академия парapsихологии»

К моему приходу в офисе «Академии» шло вызревание третьей книги «Диагностики кармы». Сергей Николаевич диктовал стенографисту свою информацию, затем рукописный текст набирали в компьютере и отвозили распечатки редактору. В редакции «Академии» регулярно появлялись бухгалтер, стенографист, редактор и просто подвизавшиеся, вплоть до бандитов. Ни разу не встречал среди них соратников автора по теме исследования или людей, имеющих уникальные способности – в центре внимания находился сам Сергей Николаевич, и все вокруг обращались к нему с хозяйственно-бытовыми вопросами. Брат жены Лазарева – Паша Григорьев – занимался развозкой продукции фирмы на машине. Как только темнело на улице, в офис заглядывал паренёк с потерянным видом – мой ровесник, привязавшийся к Сергею Николаевичу с его нижегородского турне. Денис, некогда шедший на «красный» диплом в университете, на последнем курсе заглянул на лекцию прибывшего в Нижний Новгород Лазарева и, как часто случается с читателями его книг (у всех разваливается судьба), непонятным образом провалил выпускной экзамен. Причём, по французскому языку, в котором равных ему на курсе не было. Вслед за автором книги Денис тогда потянулся в Питер. И вот теперь он безрадостно «косил» от армии, скрываясь днём от милицейской проверки в людных местах, а в темноте вечерних часов разносил пачки книг «Диагностики» по книжным развалам города на реализацию. Тем и жил.

В определённые дни недели приходила бухгалтер Наталья Петровна – тихая, маленькая женщина средних лет, основная работа которой находилась в хозяйственной части Института коммуникаций имени Бонч-Бруевича, где в маленьком кабинетике («котельной», как выражался Шмонин) она сидела вместе с супругой Лазарева – Ольгой Марсовной. По всему было видно, что Наталья Петровна тяготилась обществом Шмонина в «Академии»: Владимир Васильевич фактически единовластно заправлял административными и финансовыми вопросами, а Лазарев, изредка появляясь в офисе между поездками в разные города и страны, раскинувшись султаном на диване, выслушивал отчёт своего «визирия», затем резко вскакивал и устремлялся к выходу, насовав на бегу пачки денег – выручку фирмы – по карманам, и снова исчезал на неопределённый срок.

После выхода второй книги, которая, на мой взгляд, была весьма сильной по многим позициям, деньги в организацию потекли со всех уголков страны и сопредельных республик. Пытаясь уклониться от налогов, фирма, конечно же, хитрила и ловчила как могла. Неучтёнку от дополнительных тиражей книг в типографии «Лениздата» Базилич как-то должен был про-

вести с помощью бухгалтера. Наталью Петровну удручало положение вещей в фирме: Шмонин явно пытается создать «левый» карман для денежных потоков, многого не договаривает, наличность без передачи под расчёт чемоданчиками закидывается в ту самую наглухо закрытую «бардачную» комнату. В общем, к весне 96-го года напряжение в коллективе АОЗТ «Академия парапсихологии» усилилось до нервного звона в ушах.

Было очевидно, что Шмонин запросто жонглировал крупными суммами в финансовых отчётах фирмы в свою пользу – ведь его практически никто не контролировал. Петровне же надо было как-то ухитриться свести дебет с кредитом под его требования и при этом суметь отчитаться перед налоговой и шефом. Возвращаясь на свою основную работу, Наталья Петровна «выпускала пар», жалуясь жене Лазарева на Базилича, на пляшущие под его дудку цифры, на тяжёлую атмосферу в офисе.

Дамы сидели за одним рабочим столом друг против друга в унылой хозчасти института, а тем временем денежные потоки в «Академии» ширились изо дня в день. Марсовна прозябала на малооплачиваемой должности вдвали от офиса мужа и, надо полагать, накручивала в себе заряд недовольства: какой-то вороватый боцман фактически единолично контролирует капитал её супруга, точнее – семейный капитал, а она сидит тут в «котельной» и ничего не может предпринять!

В качестве разведывательного прощупывания для будущего вторжения в логово мужиков подруги приглашают поднаторевшую в упражнениях по уклонению от налогов бухгалтера из крупного учреждения – пусть найдёт тихо журчащую струйку с «левыми» деньгами. Та банально советует «шуранить с этого счёта на тот» и не более: ковырнуть засидевшегося Шмонина платным аудитом не удаётся. И вообще... есть «заноза», отравляющая настроение двух подруг похлеще, чем проблемы контроля над деньгами.

Сергей Николаевич диктовал тексты книг стенографисту. Далее за работу брались наборщик текста на компьютере, редактор-корректор, и окончательную обработку оригинал-макета делал дизайнер-верстальщик перед самой сдачей готовой матрицы в типографию. В первом издании «Диагностики кармы» был размещён список редакционного совета, и там значилось имя стенографистки Лены, рыжеволосой, тонкой молодой женщины – такой, типичной подруги художника (в последующих переизданиях первой книги «Диагностики» её имя из списка редакционной коллегии, понятное дело, вычеркнули). Петровна тяготилась скорее этим обстоятельством: знать и видеть слишком тесное общение руководителя «Академии» со стенографисткой Леной, и затем в хозчасти института Бонч-Бруевича лицом к лицу весь рабочий день просидеть с законной женой Лазарева – есть от чего впасть в нервное расстройство!

К весне 1996-го года почти все в офисе понимали, что доходы от оптовой продажи книг, видеокассет, от выступлений в залах с большими посадочными местами явно утекают налево. Все, кроме самого Лазарева. Бухгалтера фирмы Наталью Петровну Шмонин не подпускал к реальным цифрам. И когда в офисе «Академии» появился я, первым делом взявшийся за наведение порядка в бумагах, Наталия Петровна спешно предложила мне вести бухгалтерию фирмы. Было понятно, что человек откровенно выжидал возможность отделаться от ведения финансового учёта в очевидно опасных обстоятельствах, и, увидев ну хоть какой-то вариант, банально ткнула на меня, даже не слушая доводы отказа: «Я – гуманитарий. Одним натаскиванием в составлении финансового отчёта нельзя вести бухгалтерию!». Самое интересное, Сергей Николаевич вообще не видел проблемы в этом: «Пройдёшь курсы, ерунда». Я пытался молча игнорировать вздорное предложение.

В связи с этим я вспомнил случай – образец примитивного ведения дела. Было это всего полгода назад, когда я еще работал в государственном учреждении Якутска. В приёмную руководителя крупной фискальной организации, отслеживающей многомиллиардные суммы от сделок с алмазами и золотом, каким-то чудом проник затрапезного вида паренёк. Он простецки притаранил туда три ящика шампанского – «подмазать начальникам» претензию к

работе его вино-водочного магазинчика на окраине города. Я попытался объяснить ему, что с компетентными органами на базарном языке нельзя разговаривать, всему есть свои этические границы. Но увещание парня не проняло, потому пришлось выгнать его с помощью охраны. Ну а в «Академии парапсихологии» бестолковая манера ведения хозяйства рано или поздно должна была привести к логической развязке, да еще не стоит забывать про экстраординарную особенность ауры Лазарева – ускорять все процессы (как правило, в худшую сторону).

В одно прекрасное утро я всё-таки прозрачно намекнул Сергею Николаевичу на вызывающие сомнения манипуляции Шмона с деньгами, на что он с гневной гримасой рыкнул на меня: «Он мой друг!» Мол, не наговаривай на моего доверенного лица своими пустыми подозрениями. Но не пройдет и месяца, как выяснится (для начала), что Владимир Васильевич без разрешения пустил немалую сумму на стороннее дело: отдал своему соседу по дому на латание финансовых «дыр» его овощного ларька. Реакция шефа на несанкционированный им кредит походила на постановку античной драмы в сельском клубе: с зевовой яростью Лазарев метал гром и молнию, безутешно оплакивая убежавшие деньги. На следующий день тот самый сосед Базилича – парень-ингуш по имени Илез – пришёл с убитым видом в офис на Шкапина и, стоя на коленях (!), просил Сергея Николаевича об отсрочке выплаты займа (он-то не знал, из какого источника Базилич расщедрился ему на кредит). Лазарев с отравленным видом разорённого помещика вдавленно сидел в кресле, а парень на коленях и в слезах (он реально плакал) ползал... Перед Лазаревым, на коленях!

Но самый громкий скандал с потерей лазаревских денег в стенах «Академии парапсихологии» приключился совсем уж мистически. И, конечно же, шуму, крику, истерики в связи с очередным «ограблением» автор «Диагностики» выплеснул со свойственным ему гротеском. А «кидали» и обворовывали Сергея Николаевича «за милую душу» регулярно. Тот же его родственник тырил книги для «левой» реализации не пачками, а целыми типографскими партиями. И каждый раз реакция Лазарева была, словно обманули его в первый раз.

Сорок миллионов

Майским утром 96-го года в типичном для него взведённом состоянии в офис на Шкапина врывается Сергей Николаевич. В офисе был только я. В руках Лазарев держит тот самый чёрный чемоданчик-«дипломат» из «бардачной» комнаты и, нервно тряся им, вопрошает меня:

– Сколько здесь?!

– Мне деньги никто не сдавал под расчёт, сколько в этом «дипломате» мне неизвестно. Вон, в стаканчике на полке, есть несколько рублей для покупки картофеля и хлеба... про остальные деньги я не могу Вам ничего сказать.

Лазарев молниеносно разворачивается, и только слышу металлический лязг захлопывающейся входной двери в квартиру-офис.

Далее, как выяснилось потом, он забрасывает кейс домой: «Олечка, пересчитай!» И снова появляется на Шкапина уже без ноши. С недовольным видом Лазарев плюхается на диван вгостиной и чего-то выжидает. Я в рабочей комнате сижу за компьютером. Остальных работников в офисе в тот день не было. Наконец истошно взвизгивает телефон. В ожидании нехорошего исхода дела Лазарев поднимает телефонную трубку и слышит вопль жены о недостатке денег в принесённом им кейсе. Получается, Сергей Николаевич был уверен, что в кейсе одна сумма, но пересчитанная Марсовной в отсутствии других оказалась неполной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.